

чилинец (= чилец) (стр. 640), *дин* (стр. 643), *исхлой* (= тощий, высохший) (стр. 655), *налекаю* (стр. 661), *пять* (стр. 676) и др.¹⁴

К числу недочетов словарика В. Н. Маковой следует отнести то, что ссылки на страницы, где находятся объясняемые слова, приводятся не полностью. Например, слово *кль* (стр. 958) указано как находящееся на стр. 641, 644 и 675; между тем, оно встречается еще раньше — на стр. 625 и 637. Таких случаев нами отмечено несколько.

Приведенные нами данные о текстологической и комментаторской стороне нового издания филологических трудов Ломоносова, а также о словарном приложении к ним свидетельствуют о большой работе, проделанной Редакцией, и о серьезном научном значении рецензируемой книги. Несмотря на недочеты в смысле полноты текстов и отдельных элементов их подачи, седьмой том академического издания сочинений великого ученого и поэта является новым важным этапом в изучении вклада Ломоносова в историю языковедческой науки. Не приходится говорить о том, что с выходом этого тома научная работа по изучению трудов Ломоносова должна будет строиться, в основном, именно на этом издании и что все предыдущие тем самым отменяются как утратившие свое значение.

В особенности важным для науки вкладом являются «Материалы к Российской грамматике», которые безусловно станут объектом специальных многочисленных разнообразных исследований и обобщений. Некоторые идеи, содержащиеся в «Материалах» Ломоносова, поражают своей глубиной и предвосхищением дальнейших достижений науки о языке. Таково, на наш взгляд, замечание Ломоносова о том, что «языки не меньше разнятся свойствами, нежели словами» (стр. 622). Если попытаться передать мысль Ломоносова нашим современным языком, то она, по нашему мнению, должна звучать так: «языки не меньше разнятся своим строем, нежели лексикой».

Вторая заслуживающая внимания мысль Ломоносова, часто мелькающая среди его «Материалов», — это мысль о необходимости выделить из всего богатства русского языка «первообразныя російскія слова» (стр. 606), составить «лексикон русских примитивов» (стр. 688). В написанном в конце жизни перечне своих научных трудов Ломоносов указывал, что «собрал лексикон первообразных слов российских» (старое академическое издание, т. VIII, стр. 276). Вероятно, лексический материал, вошедший в эти работы Ломоносова, близок к тому, что мы называем сейчас «основным словарным фондом» языка. «Материалы» свидетельствуют о живейшем интересе Ломоносова к вопросам сравнительно-исторического изучения языков. Любопытны собранные Ломоносовым материалы о влиянии литературы («фигур стихотворческих»), т. е. стилистики, на развитие языка (стр. 657).

Мы часто говорим о великом значении Ломоносова в истории русской филологической науки. Однако если не смешивать понятия «значение» и «влияние», если под словом «значение» понимать глубину, самостоятельность, свежесть и смелость научной мысли, мы имеем полное право говорить о мировом значении филологических воззрений Ломоносова — одного из первых филологов-материалистов XVIII в.

П. Н. Берков

М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1729—1758 гг. [Редакторы седьмого тома: В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок.] М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952. 996 стр.

(Лингвистический обзор)

Вышедший из печати седьмой том нового академического издания сочинений М. В. Ломоносова содержит труды, посвященные вопросам литературоведения и языкознания. Наибольшее значение в рассматриваемом томе имеют работы лингвистического характера. Однако интересные в лингвистическом отношении соображения мы находим и

¹⁴ Эти слова мы указываем по той причине, что из вводной заметки В. Н. Маковой создается впечатление, будто весь подобный материал ею полностью исчерпан. Она пишет, что ей не удалось подыскать ни словарных, ни литературных материалов для толкования «очень немногих слов», и приводит только 8 слов [кстати, слово *ахид*, указываемое в этом перечне, имеется и в словаре Даля (столб. 78 по 4-му изд.), и в литературных источниках: апр., в комической опере М. Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор», действие I, явление 1-е: «Эдакой ахид!» («Русская комедия и комическая опера XVIII века», М.—Л., «Искусство», 1950, стр. 268)]. Упоминаемое в этом же списке слово *устрец*, вероятно, вариант слова *устрица*.

в сочинениях не собственно лингвистических, а литературоведческих, какими являются два варианта риторики и «Письмо о правилах российского стихотворства». Центральное место среди сочинений, публикуемых в этом томе, занимает «Российская грамматика» (стр. 389—578).

«Российская грамматика» — это первая полная грамматика русского языка, написанная по-русски и опирающаяся на определенные научные основания. Открываясь известным прославлением русского языка, обосновывающим его величие и возможность плодотворного употребления в любых сферах общения, грамматика Ломоносова дает детально разработанную систему звуковых и грамматических норм, опирающуюся в первую очередь на нормы живого разговорного языка. Служа практическим руководством русского языка, грамматика эта основана на глубоко продуманных научно-теоретических обобщениях, причем в области языкознания, как и во многих других областях, Ломоносов идет далеко впереди своего времени, и его лингвистические воззрения во многом смыкаются с нашими современными воззрениями.

Указание на значение грамматики для любой области знания и словесного творчества мы находим уже во введении к грамматике, где отчетливо выражены основные принципы ее построения: неразрывная связь теории и практики, признание живого языка как основы грамматики и в то же время признание нормализаторского значения написанной грамматики для литературного языка. Подлинно материалистическое понимание взаимоотношений языка, мышления и действительности, понимание значения языка для развития человеческого общества раскрывается в самом начале «Наставления первого» — «О человеческом слове вообще». Здесь же отчетливо выступает понимание именно звукового характера языка и вместе с тем понимание всей недостаточности иных, не звуковых средств общения, играющих в определенных случаях вспомогательную роль (см. стр. 395).

Очень долгое время в языкознании не разграничивались строго звуки и буквы. Но у Ломоносова мысль о различии звуков и букв, о различии произношения и начертания, фиксирующего это произношение, выступает довольно отчетливо. На это указывают уже определения начальных параграфов (именно, §§ 13 и 14) главы 2-й («Наставления первого») «О выговоре и неразделимых частях человеческого слова». Что называет Ломоносов «неразделимой частью слова»? «Н е р а з д е л и м а я ч а с т ь слова называется та, в которой в неразделимое по чувствам время ни напряжением, ниже повышением ничего отменного произвести невозможно» (стр. 398). И далее: «Таковые неразделимые части слова изображаются по их разности различными начертаниями, которые называются по-нашему б у к в ы. Различность их происходит от разности органов, от разного их положения и движения» (там же). Из сказанного видно, что Ломоносов рассматривает неразделимую часть слова как однородную по звучанию и лишь п з о б р а ж е н и е ее (а не самую эту неразделимую часть) называет буквой. Отчетливое представление о различии буквы и звука, изображаемого и произносимого, ярко выступает еще в ряде мест: взять хотя бы § 102 (см. стр. 426—427), где идет речь о различном, в зависимости от фонетических условий, морфологических форм и отдельных слов, произношении одной и той же буквы г. Однако в дальнейшем (см., например, стр. 403) Ломоносов относит те или иные фонетические особенности как будто непосредственно к б у к в а м. Но мы не в праве требовать от лингвиста XVIII в. современного понимания отношений буквы и звука во всей их полноте.

Для Ломоносова характерно понимание специфических особенностей отдельных языков, в первую очередь специфических особенностей русского языка. Он отдал себе отчет в том, что грамматические категории русского языка не являются какими-то универсальными категориями, свойственными всем языкам мира. Эта особенность, наряду со многими другими, делает грамматику Ломоносова подлинно научным трудом и ставит ее далеко впереди получивших распространение в XVII—XVIII вв. универсальных грамматик, которым было свойственно стремление построить опирающуюся на логические основания грамматическую систему, общую для всех языков. Ср., например, рассуждения Ломоносова о падежах или о грамматическом роде. Перечислив шесть падежей, характерных для латинского языка, и указав соответствия им в русском языке, Ломоносов обращает внимание на то, что некоторые языки имеют большее, а некоторые меньшее, чем шесть, количество падежей (в качестве примера последних он приводит греческий язык, имеющий пять падежей). При этом он понимает ошибку большинства грамматик новых западноевропейских языков, состоящую в навязывании этим языкам грамматических категорий, свойственных только латинскому языку. «Немцы, французы, итальянцы и другие европейские народы, — пишет он, — которых языки от латинского и от древнего немецкого происходят, хотя шестой падеж (ablative) в грамматических примерах и поставляют, однако от родительного первых или дательного других ничем он не разнится. Предлоги *de, da, von* и прочие не дают им силы творительного латинского, равно как предлоги *avec, mit, in* и прочие, ибо шестой падеж введен к ним с примеру латинского, в чем им греческому языку было должно последовать» (стр. 412). Следует заметить, что приписывание современным западноевропейским языкам грамматических категорий латинского языка характерно не только

для времени Ломоносова, но и для современных западноевропейских школьных грамматик. Ломоносов отчетливо представлял себе различные способы выражения отношений между словами, наблюдающиеся в разных языках: в одних — падежные окончания, в других — предлоги и артикли (он говорит о «местоимении», но, повидимому имеет в виду артикль) (см. стр. 413).

Русский язык, указывает Ломоносов, в отличие от греческого и новых западноевропейских языков, имеет семь падежей, т. е. больше, чем латинский. Для седьмого падежа, который в «Славянской грамматике» (имеется в виду грамматика Смотрицкого) был назван *сказательным*, Ломоносов ввел принятое и теперь название *предложный* (см. стр. 412). Таким образом, именно Ломоносов и обратил внимание на то, что этот падеж без предлогов не употребляется.

Рассматривая вопрос о грамматическом роде, Ломоносов также прекрасно понял специфические особенности, характеризующие различные языки. Он указывает на то, что три грамматических рода, характерные для многих языков, в том числе и для русского, не являются обязательными для всех языков. Ломоносов называет языки, имеющие только два рода, например, французский и итальянский, а также и языки, где роды вообще не различаются или же где существуют лишь незначительные различия в некоторых категориях слов (см. стр. 413). Можно указать и много других положений Ломоносова, весьма интересных в общелингвистическом отношении.

Начиная с первых параграфов главы 2-й («Наставления второго») «О произношении букв российских», посвященной вопросам произношения, Ломоносов ориентируется на произносительные нормы живого языка. Так, он рекомендует последовательно для различных категорий случаев произношение под ударением *е* как *о* после мягкого согласного — по его определению, как тонкого *о* или как *îo* (см. стр. 425). Те случаи, где он отмечает произношение *е*, а не *о*, в точности соответствуют современным литературным нормам. Правда, оговорка, что такое произношение имеет место лишь «в просторечии», сделана лишь для части приводимых примеров.

Ряд весьма тонких замечаний Ломоносов делает в области фонетических изменений, зависящих от положения звука: ср., например, указание на изменение *о* в безударном положении (стр. 426) или замечательное по своей тонкости наблюдение относительно ассимиляции согласных перед шипящими (стр. 427). Ломоносов отметил не только такие случаи, как *шумомъ*, *пишерсти*, *жсжилами*, но и такой случай, как *очервей*, где имеет место импловия без эксплозии первого компонента сочетания согласных, вследствие чего и получается впечатление долгого (двойного) *ч*.

В редакторских примечаниях к настоящему тому впервые опубликованы те отклонения от текста грамматики, которые наблюдаются в ее немецком переводе, в работе над которым, повидимому, принимал участие сам Ломоносов. В § 87 русского текста просто перечисляются буквы русской азбуки (за исключением обозначающих сочетания согласных и таких, которые не представляют отличий в произношении от какой-либо из приведенных); в немецком тексте дается ряд дополнительных фонетических замечаний, имеющих целью облегчить усвоение русского произношения иностранцами. Так, относительно *жс* сообщается, что оно произносится гораздо мягче («viel weicher»), чем немецкое *sch*, подобно французскому *g* в таких словах, как *général* и *George*; относительно же *ш*, — что оно, напротив, равнозначно немецкому *sch* и «гораздо тверже» («viel härter»), чем *жс* (терминами «твердый» и «мягкий» согласный здесь, как это принято в немецкой лингвистической литературе, передается различие согласных по степени напряженности: более напряженные глухие согласные называются «твердыми», менее напряженные звонкие — «мягкими»). Здесь же автор обращает внимание и на отличие в произношении русского *ы* от *и*: по его замечанию, *ы* произносится как *î*, но гораздо глубже в гортле и сильнее, чем обычно в других европейских языках, которые не происходят от славянского (см. стр. 869). Ломоносов стремится показать различие произношения согласного в случае написания после него *ь* и в случае отсутствия знака или написания *ъ*, частью используя некоторые факты немецкой и иногда французской фонетики, частью просто пытаясь фонетически интерпретировать русское произношение. Он привлекает в качестве примера различий, аналогичных нашим различиям между мягкими и твердыми согласными, различия, существующие между немецкими так называемыми *ich-Laut* и *ach-Laut*. Так, он указывает, что такие немецкие слова, как *Dach*, *Schlacht*, следовало бы писать по-русски *дачь*, *шлахть*, а такие, как *durch*, *richtig* — *дурьхъ*, *рихтьихъ*. Вместе с тем он говорит о том, что согласная, после которой пишется *ъ*, произносится так, как будто за ней следует *î*, которое «очень мало» слышится («sehr wenig gehôret wird»). Таким образом, *сельди* слышится почти как *selidy*. Это очень тонкое и правильное наблюдение. Наши мягкие согласные знают различные степени смягчения, причем дополнительная артикуляция (подъем средней части языка к переднему нёбу) может быть близкой к артикуляции *е* и к артикуляции *и* (*î*). Наивысшей степенью мягкости является именно последняя. Для обозначения мягкости Ломоносов предлагает употреблять знак *'*, как в польском письме, т. е., например, *сельди* писать *sel'dy* (см. стр. 870—871). Этот знак *'* в качестве знака мягкости принят в славянской фонетической транскрипции и теперь.

Интересные наблюдения делает Ломоносов над чередованиями звуков при образовании различных форм, систематизируя примеры чередований в различных категориях словообразования и словоизменения: *рука, ручной, ручаюсь; вижу, видишь, видёнъ; гашу, гасишь, угасъ* и др. (стр. 424).

Рассматривая грамматические формы живого русского языка, Ломоносов всегда уделяет большое внимание и их значению. Так, например, устанавливая падежи, характерные для русского языка, и показывая, чем выражаются различия этих падежей, Ломоносов определяет в то же время основные значения этих падежей, состоящие в различных отношениях имени к другим словам: «Деяния и вещи относятся к вещам разным образом, и отсюда происходят в именах следующие отмены» (стр. 411). Ломоносов особо выделяет, вероятно, под влиянием античной грамматической традиции, а возможно и под влиянием церковнославянского языка, звательный падеж, не имеющий специальной формы в русском языке и в приводимых Ломоносовым примерах характеризующийся лишь наличием перед ним междометия *о* и местоимения личного *ты*. Особо говорит Ломоносов о предложном падеже как специфически характерном для русского языка, хотя и не дает его определения по значению. Но интересно, что все приведенные им примеры сочетаний с предлогами имеют пространственное значение, являющееся основным для старого местного падежа, из которого развился предложный: *въ городъ, при городахъ, на рукахъ, въ побѣдахъ* (стр. 412).

Интересно отметить, что, говоря о падежах, Ломоносов собственно не дает определения этой категории, но мысль дать его, как правильно указывают комментаторы, у Ломоносова, по видимому, была, о чем свидетельствует одно место в черновых материалах к грамматике, где такое определение сформулировано: «Падежемъ называется перемѣна окончанія имени, по разнымъ дѣйствіямъ или страданіямъ сочиненныхъ съ ними глаголовъ опредѣленная» (стр. 634). Здесь существенно обратить внимание на строгое определение падежей по их форме, точнее, по окончаниям, характеризующим имена и выражающим соответствующие значения.

Очень важны и замечания Ломоносова о глагольных формах. Многие языковеды считают, что раздел, посвященный глаголу, представляет собой слабое место в грамматической системе нашего первого лингвиста, поскольку он не сумел вскрыть и выделить, как особую, столь специфическую для русского глагола категорию, какой является в и д глагола. Ломоносов трактует видовые образования как систему форм одного глагола, представляющих различные его времена, в результате чего устанавливает *свойственные, по его мнению, русскому глаголу десять времен* (см. стр. 480). Интерпретируя различия глагольных видов как различия времен, Ломоносов в то же время тонко и верно подметил те оттенки значения, которые передаются различными образованиями от одного глагольного корня. Ср., например, совершенно правильно подмеченное им значение форм на *-ивалъ* как давнопрошедшего времени (см. стр. 514). Такие глаголы, широко употреблявшиеся в литературном языке XVIII в. и употребляющиеся, хотя и редко, в современном литературном языке, действительно выступают обычно лишь в прошедшем времени и обозначают нечто давно и длительно бывшее (возможно, и повторявшееся в прошлом). Ср. также совершенно правильно установленное значение «скорого действия» у таких форм, которые мы теперь называем глагольными междометиями, — типа *глядь* от *глядѣль*, *хватъ* от *хваталь* и т. д. (см. стр. 539). Рассматривая различные формы, образованные от одного корня, как разные времена одного глагола, Ломоносов делает любопытный вывод, что «в российском языке глаголы почти все неполны» (стр. 499), т. е. почти ни один глагол не имеет всех установленных им времен.

В последнем разделе грамматики, посвященном синтаксису, «О сочинении частей слова» («Наставление шестое») находим указания на основные способы выражения зависимости одних слов от других, анализ некоторых параллельных конструкций (см., например, § 473 на стр. 555, где говорится о выражении принадлежности посредством родительного падежа и посредством притяжательного прилагательного) и многое другое.

В «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» (стр. 19—79), посвященном проблемам стилистики и ораторского искусства, имеются также интересные соображения лингвистического характера. Интересны, в частности, некоторые наблюдения над интонацией, изложенные в части четвертой «О произношении» (см. стр. 77 и след.). В печатном варианте риторики, вышедшем в 1748 г., эта тема вообще не была затронута¹. Указанный раздел преподает некоторые правила выразительного чтения или произношения речей, но в основе тех приемов выразительного произнесения, которые рекомендует Ломоносов, лежат интонационные нормы живого языка (см. стр. 78).

¹ В настоящем издании «Краткое руководство к риторике...», образующее первоначальный текст риторики, отвергнутый конференцией Академии в 1744 г., печатается по рукописи.

Много тонких грамматических наблюдений над фактами живого русского языка находим мы и в черновых «Материалах к Российской грамматике» (стр. 595—760), впервые полностью публикующихся в настоящем издании. Некоторые из этих наблюдений (вероятно, вследствие того, что Ломоносов не до конца осмыслил их) не нашли себе места в окончательном тексте грамматики. Ср., например, замечания об употреблении кратких и полных форм прилагательных: «Въ геометрии должно сказать: этотъ уголъ прямой, а не прямъ. И такъ же — этотъ кафтанъ новой, а не старой. Однако: этотъ кафтанъ еще повъ» (стр. 609). Интересна попытка осмыслить весьма тонкие различия в значении, существующие между употребляющимися в качестве сказуемых страдательными причастиями прошедшего времени совершенного и несовершенного вида:

«Они еще ненаписаны. *Supponitur jam actio* [Подразумевается уже совершающееся действие].»

Они еще не писаны. *Nulla actio supponitur* [Никакого действия не подразумевается]» (стр. 627). Для разъяснения этого различия Ломоносов прибег к латинскому языку, служившему в его время международным научным языком.

Поскольку основной лингвистической задачей, стоявшей перед Ломоносовым, являлась нормализация вновь формирующегося литературного языка на живой национальной основе, он, как в грамматике, так и в других сочинениях, помимо определения и описания системы современного ему литературного языка, неизбежно должен был затронуть ряд других проблем, в какой-то мере существенных для определения этой системы. Для определения диалектной основы нового литературного языка он неизбежно должен был затронуть проблему диалектного подразделения русского языка и особенностей основных диалектов. Для установления того, что должно быть использовано из церковнославянского языка, он должен был остановиться на особенностях последнего и на отношении его к русскому языку. Наконец, он должен был затронуть и вопросы, связанные с историческим развитием русского языка.

Об основных диалектах русского языка Ломоносов говорит в связи с формулировкой общих принципов, на которые, по его мнению, должно опираться правописание. Один из этих принципов состоит в том, чтобы оно «не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский» (стр. 429—430). Как видно уже из этого, Ломоносов отчетливо представлял себе основное подразделение русского языка на северновеликорусское и южновеликорусское наречия (для разграничения южновеликорусского наречия и средневеликорусских переходных говоров у него, конечно, еще не было достаточного материала). Украинский язык он как будто не считает особым языком, а рассматривает его как один из диалектов русского языка. И это понятно. Литературное оформление украинского языка на живой национальной основе в XVIII в. только еще начиналось. Но вместе с тем Ломоносов имел ясное представление о том, что украинский язык в большей степени отличается от двух основных наречий русского языка, чем оба они друг от друга².

Более полно о трех основных диалектах русского языка Ломоносов говорит в черновых «Материалах к Российской грамматике» (см. стр. 608). Там он дает и некоторую характеристику каждому из диалектов. Так, он отмечает широкое территориальное распространение северного («поморского») диалекта и его больший, по сравнению с другими, архаизм. В чем выражается, по мнению Ломоносова, этот архаизм, сказать трудно. Акад. В. В. Виноградов полагал, что он заключался в окающем произношении, которое было свойственно под влиянием книжного языка и «высокому штилю» литературного языка.

Свое отношение к церковнославянскому языку как к источнику пополнения и обогащения русского литературного языка Ломоносов четко сформулировал в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (стр. 585—592), напечатанном в собрании сочинений Ломоносова, выпущенном Московским университетом. В этом сочинении он изложил свою знаменитую «теорию трех штилей», основанную на различном использовании элементов словарного состава русского и церковнославянского языков. Эта теория утверждает живой национальный русский язык как основу нашего литературного языка. Прогрессивная для своего времени, теория эта к началу XIX в. во многом уже не соответствовала новым задачам, стоящим перед нашим литературным языком, тормозила его дальнейшее развитие.

Признавая законным использование церковнославянского языка как одного из источников обогащения нашего литературного языка, Ломоносов вместе с тем отчет-

² В «Примечаниях на предложение о множественном окончании прилагательных имен» Ломоносов определенно противопоставляет малороссийский диалект (в данном случае он использует этот термин) великороссийскому языку в целом, без подразделения его на наречия. Это ясно из следующих слов: «От малороссийского диалекта для установления великороссийских окончаний ничего ж не следует, ибо, хотя сей диалект с нашим очень сходен, однако его ударение, произношение и окончания речений от соседства с поляками и от долговременной бытности под их властью много отменились или, прямо сказать, попортились» (стр. 83).

ливее других ученых и писателей его времени представлял себе различия, существующие между русским и церковнославянским языком. Он понимал, что эти различия касаются не только лексики, но и грамматики. Так, в самом начале «Примечаний на предложение о множественном окончании прилагательных имен» он указывает на то, что «славенский язык от великороссийского ничем столько не разнится, как окончаниями речений» (стр. 83), и подкрепляет это положение рядом примеров на расхождении в формах между русским и церковнославянским языком.

Особенно же замечательно для Ломоносова то, что, затрагивая, как уже было сказано, и проблемы исторического развития русского языка, он указывал на различия не только между церковнославянским и современным ему русским языком, но и на различия между церковнославянским и древнерусским языком эпохи древнейших русских памятников. Он отстаивал русскую основу древнерусского литературного языка, причем ссылаясь как на русские, а не церковнославянские именно на такие памятники, которые действительно ярче отражают живой древнерусский язык, — на Несторову летопись, договоры с греками, «Русскую Правду». Язык этих памятников, по Ломоносову, отличается «от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание, ибо тогда российский диалект был другой...»³ (стр. 899).

«Материалы к Российской грамматике», вводящие нас в научную лабораторию Ломоносова, имеют огромное значение для исследователей его научного творчества в филологической области. Прежние исследователи (А. С. Будилович, М. И. Сухомлинов) печатали лишь часть материала, известного по рукописи, и располагали его в произвольном порядке. Между тем большое значение имеет расположение его именно в том порядке, в котором он находится в рукописи. Правда, мы не знаем, в чьих руках находилась рукопись после смерти Ломоносова, кто расположил его черновые записи в определенном порядке, кто переплел рукописи. Но, как указывают редакторы, порядок этот не случаен, в нем наблюдается некоторая, хотя и далеко не строгая, последовательность двоякого рода — логическая и хронологическая (см. стр. 903).

В этих «Материалах» мы находим интересные заметки по сравнительно-историческому языкознанию, которые, повидимому, являлись черновыми набросками к не дошедшему до нас «Письму о сходстве и переменах языков». Еще до XVIII в. были установлены некоторые группы близкородственных друг другу языков. Что же касается до установления более обширных языковых семейств, то, с одной стороны, эти семейства еще не были определены, с другой же стороны, в XVIII в., как и раньше, велись беспорядочные сопоставления элементов словарного состава самых различных и далеких друг от друга языков. Ломоносов с замечательной для своего времени строгостью подошел к вопросу о родстве языков. Именно в этой рукописи он разграничивает языки «сродственные» и «несродственные», причем в качестве примера «сродственных» языков он называет четыре крупных исторически известных языка, принадлежащих к европейской части индоевропейской семьи языков — русский («российской»), греческий, латинский и немецкий (см. стр. 652). Родство этих языков, таким образом, было указано Ломоносовым раньше, чем Боппом и даже Джонсом. Ломоносов, правда, не включает в совокупность языков, которые он называет «сродственными», санскрита, с которым он не был знаком, но зато здесь мы находим русский язык в качестве представителя славянской группы, тогда как принадлежность славянских языков к индоевропейской семье не была отмечена не только у Джонса, но даже в первом издании сравнительной грамматики Боппа.

Что касается до «несродственных» языков (повидимому, имелись в виду языки, не родственные с четырьмя приведенными выше и не родственные между собой), то здесь перечисляются также четыре языка — финский, мексиканский, готтентотский и китайский, которые и согласно современным лингвистическим воззрениям не являются родственными ни индоевропейским языкам, ни между собой. В этой же рукописи Ломоносов указывает и на родственные отношения специально славянских языков, перечисляя все основные славянские языки, происшедшие, как он говорит, «от славенского» (см. стр. 609).

Не ограничиваясь простой констатацией родственных отношений между различными языками, Ломоносов стремится показать, каким образом возникли эти родственные отношения. Родство языков, по Ломоносову, в полном соответствии с современными лингвистическими воззрениями, является результатом последовательного распада единого некогда для данной совокупности родственных языков языка-родоначальника, причем распадение это представляет собой очень длительный процесс. На протяжении этого процесса многие языки теряются, одни бесследно, другие сохраняясь лишь в письменных памятниках. В заметках, которые представляют собой черновые наброски для «Письма о сходстве и переменах языков», мы читаем:

³ Ломоносов (как, впрочем, и многие лингвисты даже в XIX в.) придерживался, опираясь на данные жития Кирилла и Мефодия, оставленной в настоящее время моравской теории происхождения старославянского письменного языка.

«В. Представимъ долготу времени, которою сіи языки раздѣлились.

В. Въ концѣ письма заключить о перемѣнѣ языковъ. Такъ-то невдурѣ перемежаются языки! такъ-то не постоянно! Такъ-то пропали еврейской, аларбейской, еллинской, латинской! и прочіе! Счастливы тѣ, которые память по себѣ въ книгахъ оставили. Иные безвѣстно пропали. Счастливы нашъ языкъ, что В. Похвалы е. в. и его.

В. Польской и російской языкъ коль давно раздѣлились! Подумай же, когда курляндской! Подумай же, когда латинской, греч., нѣм., росс. О глубокая древность!» (стр. 658—659).

Здесь достаточно ясно говорится о сравнительно более позднем, хотя и достаточно древнем разделении славянских языков, о более раннем разделении славянских и балтийских языков (под курляндским языком Ломоносов понимает латышский), о еще более раннем разделении основных представителей различных групп тех языков, которые мы называем индоевропейскими.

Исследуя взаимоотношения родственных языков, Ломоносов, пусть несовершенно, наощупь, во многих случаях ошибаясь, все же стремится определить соответствия, существующие между родственными языками, наметить закономерности их фонетического и морфологического развития. Ср. многочисленные примеры изменений от латинского языка к итальянскому, от латинского к французскому, от греческого к латинскому, приводимые Ломоносовым, а также его попытки формулировать, в чем состоят эти изменения, образуются ли они «прибавленіемъ» (т. е. прибавлением в позднейшем языке звука, отсутствовавшего в более древнем), «убавленіемъ» (т. е. утратой в позднейшем языке звука, наличного в более древнем), «премѣненіемъ одноименныхъ мягкихъ на твердые» (т. е. изменением звонких согласных в глухие), изменением морфологических форм и т. п. (см. стр. 654—660).

Важно то, что, сравнивая различные языки и стремясь установить, как они исторически развиваются, Ломоносов обращает внимание и на грамматику (ср. сказанное выше по поводу различий в окончаниях между русским и церковнославянским языком). Среди его примеров на различные соответствия между родственными языками мы находим краткою заметку: «Перемѣны деklinаціи и конъюгаціи» (стр. 657). Она свидетельствует; повидимому, о том, что Ломоносов собирался исследовать изменения, имевшие место на протяжении истории родственных языков в области склонения и спряжения.

В черновых материалах Ломоносова мы находим много интересных заметок по лексикологии и фразеологии, в которых сопоставляются ряды синонимов, слова, взятые из различных диалектов, рассматриваются омонимы. Лексикологические заметки переплетаются с заметками фольклорно-мифологического характера, записями названий различных персонажей нашей мифологии, народных примет, пословиц. Очевидно, Ломоносов ставил себе задачей систематизацию всего этого богатейшего материала, который подвергся научной разработке значительно позже. Об этом свидетельствует его заметка: «Мы бы имѣли много басней, как греки, естлибы науки въ идолопоклонствѣ у россиянъ были» (стр. 618). Задумывался он, повидимому, и над проблемами сравнительной мифологии. Об этом свидетельствуют попытки подыскать нашим мифологическим персонажам параллели из греческой мифологии (см. стр. 709).

Характерной особенностью трудов Ломоносова, как всякого подлинно великого ученого, является неразрывная связь теории с практикой. Практическими потребностями было вызвано написание грамматики, представляющей собой стройное здание, опирающееся на строго научные основания. Практическими потребностями были вызваны те правила правописания, которые дает Ломоносов в своей грамматике и которые действительно удовлетворяли насущным нуждам. Но эти правила опираются на определенные строгие принципы, глубоко продуманные, выведенные в результате серьезной исследовательской работы. Основных принципов четыре, и они во многом сохранили свое значение и теперь. Первый из этих принципов состоит в том, чтобы правописание «служило к удобному чтению каждому знающему российской грамотѣ»; второй принцип состоит в том, чтобы оно «не отходило далече от главных российских диалектов», т. е. чтобы оно служило целям объединения в культурном отношении всех говорящих на русском языке; третий принцип состоит в том, чтобы правописание «не удалялось много от чистого выговору», т. е. чтобы написание не очень далеко отступало от произношения; наконец, четвертый принцип состоит в том, чтобы «не закрылись совсем слѣды произвожденія и сложенія речений» (см. стр. 429—430), т. е. Ломоносов рекомендует следовать морфологическому принципу, который и в настоящее время является ведущим в нашей орфографии.

В настоящем издании все труды Ломоносова снабжены тщательно продуманными примечаниями, содержащими ссылки на источники, толкования неясных мест, указания на мнения современников, противоположные мнению Ломоносова (для разъяснения тех полемических замечаний, которые мы находим в его трудах), сопоставления отдельных мест из трудов Ломоносова с теми местами из других его трудов, где затрагиваются аналогичные вопросы. Эти примечания во многом выгодно отличаются от примечаний старого академического издания под редакцией М. И. Сухомлинова. Но надо отметить, что в некоторых случаях сделанные примечания недостаточны. Так,

в «Материалах к Российской грамматике» на стр. 609 имеется весьма интересная заметка: «Разница межъ почернѣть и буду-чернѣть и межъ почернѣть и чернѣть». В этой заметке существенно намечающееся распределение глаголов по видовому принципу: сопоставляется прошедшее и будущее время двух глаголов, различающихся видами. Однако в тех параграфах, на которые даны ссылки в примечаниях к этой заметке (§§ 67 и 68), такого сопоставления нет, там речь идет о различных отдельных временах. На стр. 926 редакторы считают ошибочным один из примеров Ломоносова на диэрезис, а именно *evoluisse* вместо *evoluisse*. Здесь, по их мнению, происходит замена согласного звука близким по артикуляции гласным. Но ведь латинское *o* собственно звучало как неслоговое *u*, да и вообще, в случае сочетания собственно гласного с сонантом (а *o* является сонантом), при любой последовательности соответствующих элементов мы имеем дело, собственно говоря, с дифтонгическим сочетанием.

В некоторых случаях примечания отсутствуют, когда их следовало бы дать. Так, в «Материалах к Российской грамматике» на стр. 632 Ломоносов сопоставляет и приводит рамкой (но без всяких комментариев) формы «Свекры, свекровь». Никакого примечания здесь нет. Между тем самый факт сопоставления интересен. Первая форма старославянская, а также диалектная русская (именно южновеликорусская), вторая — русская литературная (а также свойственная ряду диалектов). Следовало сказать хотя бы о принадлежности этих форм. На стр. 658 среди исчезнувших языков приводится «аларбейской». В примечаниях к старому академическому изданию под редакцией Сухомлинова было высказано достаточно правдоподобное предположение, что Ломоносов имел в виду алародийский язык. В настоящем издании здесь никакого примечания нет.

Немецкие и латинские тексты, встречающиеся у Ломоносова, приведены в подлиннике и везде сопровождаются русским переводом, обычно выполненным весьма тщательно. Лишь в немногих случаях встречаются неточности. Так, например, на стр. 870—871 разъяснения по поводу мягких согласных в русском языке переведены следующим образом: «...ь... dienet in solchem Fallezum Zeichen, dass der vorhergehende Mitlauter gelinde und gleichsam als mit einem *i* verbunden, ausgesprochen werden muss...» — «...ь... означает в таком случае, что предыдущая согласная должна произноситься мягко...». Формально этот перевод правилен. Но следует отметить, что в немецком здесь употреблена форма *gelinde*, а не *weiche*. Последний термин Ломоносов, в соответствии с его употребленным у немецких лингвистов, использует в качестве эпитета звонких (т. е. ненапряженных) согласных. Редакторы оба термина (*weiche*, и *gelinde*) передают без каких бы то ни было примечаний одним и тем же русским термином «мягкий».

Помимо указателя личных имен, желательным было бы дать в конце также предметный указатель.

Отмеченные выше недочеты большей частью носят частный характер, а, кроме того, представлены в очень небольшом количестве. Издание же в целом представляет огромную ценность для советского читателя. Оно дает возможность не только специалистам, но и самым широким слоям советского общества ознакомиться с тем вкладом, который сделал Ломоносов в сокровищницу русской и мировой филологической науки, а также следить за развитием научной мысли нашего первого великого ученого.

П. С. Кузнецов.

Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. С предисл. и под ред. В. В. Виноградова. — М., Учпедгиз, 1953. 368 стр.

Книга проф. Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», изданная посмертно, предназначена служить учебным пособием студентам-филологам. В ней рассматриваются вопросы, связанные с тремя основными проблемами: 1) происхождение славянской общности языков и письменности у славян, 2) роль церковнославянского языка в Киевской Руси X—XI вв. и вопрос о древнерусском литературном языке и 3) развитие фонетического и грамматического строя русского языка. Разберем содержание труда Л. П. Якубинского в указанных трех направлениях.

1

Рассматривая вопрос о родстве славянских языков между собой, Л. П. Якубинский выделяет некоторые слова, восходящие к общеславянскому языку-основе, показывает общность склонения в разных славянских языках, устанавливает фонетические соответствия между ними и делает правильный вывод о том, что общность славянских языков объясняется общностью их происхождения из общеславянского языка-основы. Однако, хотя используемые Л. П. Якубинским лексические примеры из раз-